

На ветрах времени

Белоруска по рождению, жительница Австралии, Елена ГОВОР исследует судьбы русских эмигрантов на Пятом континенте

С доктором философии Еленой ГОВОР, живущей в австралийской Канберре, меня познакомил случай. В книге «Русские анналы в Австралии» Елена Викторовна рассказывает о моем земляке из пуховичской деревни Загитова Слобода Александре Майко. Прочитав об этом, я поспешил что-то узнать о земляке-эмигранте начала XX века. А следом открыл интереснейшую судьбу писательницы, которая еще совсем недавно жила в Минске. Впрочем, обо всем – в интервью, которое и предлагаю вниманию читателей.

– Елена, как все-таки получилось, что вы, коренная минчанка, всю сознательную жизнь посвящаете исследованиям далекого Пятого континента?

– Открыла я Австралию в... тринадцать лет, в 1970 году. Сборник «Австралийские рассказы» попал на глаза случайно. Но до сих пор помню тот зимний минский вечер, свою квартиру на улице Калиновского, мирный дождь, звуки дождя за окном, бравурные сводки новостей по радио... И я, послушная школьница-пионерка, которая вдруг оказалась посреди открытой для себя новой земли. Ветер, наполненный запахом эвкалиптовых листьев, шелест в сухой сероватой траве, мерно покачивалась повозка, напряженная волами, наш путь лежал к цепи голубых холмов на горизонте. «Я – приду!» – уже тогда поклялась я этой неведомой земле.

– Что самое памятное из времени минского детства?

– В то время не отдавала себе отчета, что вопреки моему отторжению город стал частью моей жизни, моей души. А может быть, он всегда был во мне, на уровне генетической памяти. Ведь я минчанка в пятом поколении. С 1880-х годов на Марковской улице у Военного кладбища жил мой прапрадед, Фаддей Жолнеркевич, обедневший дворянин с польским гонимом. Со 2-й Сергеевской, за вокзалом, через железнодорожный мост в Марининскую гимназию на Подгорной ходила моя бабушка, Людмила Иосифовна Борисевич. Да и мы с ней ходили по Долгобродской на Крутую площадь.

Проходя мимо собора, который теперь стал визитной карточкой Минска, мне виделась моя бабушка девочкой на вечерней службе, когда поют «Свете тихий» и солнечный луч заглядывает в храм. Увы, в 1960-1970-х годах, когда я росла, история Минска, в школьном вари-

анте, начиналась только с войны, и как же мне не хватало этой подлинной истории, не памятных историй даже, а именно вот этой живой связи с прошлым, крупицы которой иногда открывала бабушка.

Это все со мной так и кокетит по жизни. Когда в сумерках, весь в огнях, от пристани отходил круизный корабль на остров Нуку-Хива (на Маркизских островах в Тихом океане), мне вспомнился тот далекий школьный корабль моего детства. И когда в летнем лагере на берегу Тихого океана мы пели с австралийскими студентами-славистами «Последний троллейбус» Булата Окуджавы, мой личный трамвай в это время катился по улице Якуба Коласа...

Вспоминаются минские праздники – трехцветный салют над Свислочью, и иллюминация проспекта, и мороженое-пломбир за 19 копеек, и мои патристические стихи, написанные от всей души: «Осенний город наполнен огнями, / Они на домах, в глазах, в сердцах...»

– Коль уж зашла речь о детстве, то расскажите и о самом любимом вашем месте в родном Минске...

– «Ленинская» библиотека на перекрестке Красноармейской и Кирова. Я и училась начала рядом – на библиотечном факультете Пединститута (теперь это Белорусский университет культуры и искусств). Тогда же возник и мой первый проект – составить библиографию Австралии, всего, что писали о ней на русском языке. Каждый день после занятий я шла в «Ленинку», заказывала книги и журналы, искала работы об Австралии, читала, аннотировала.

– С этнографом Владимиром Кабо вы познакомились сначала по книгам... И только потом было знакомство...

– С книгами Владимира Рафаиловича познакомилась опять же

Елена Говор – в редакции белорусского журнала «Неман»

случайно. В книжном магазине напротив драматического театра робко спросила, есть ли у них что-либо об Австралии. Продавщица показала монографию В. Кабо «Присхождение и ранняя история аборигенов Австралии». Я собрала все свои копейки и купила ее. Вышла из магазина, прижимая книгу к груди как сокровище. Читала запоем. А когда лет десять спустя познакомилась с автором лично, согласилась выйти за него замуж буквально через полчаса после знакомства. Разница в возрасте у нас – целое поколение, а прожили мы вместе 26 лет, до самой его смерти. Очень интересный человек, из профессорской семьи, в войну брал Берлин, награжден орденом Красной Звезды. На последнем курсе МГУ его арестовали. Пять лет тюрем, лагерей...

Когда в 1990 году мы смогли поехать в Австралию, Владимиру было уже за шестьдесят... Здесь он написал две книги – «Крут и крест: Размышления этнолога о первобытной духовности» и «Дорога в Австралию» – историю своей жизни. Общение с ним мною изучено – думать, писать, находить правильные ориентиры в жизни.

– Расскажите о судьбах российских эмигрантов в Австралии, вы непростительно выходите и на «белорусскую тему»...

– Специально белорусов среди «русских» австралийцев я не выделяю, но когда нахожу земляка среди них, конечно, радуюсь. Вот, например, только одна история. Мы с

коллегой Александром Масовым установили, что среди первых ссыльных в Австралии, стране, которая изначально формировалась как ссыльная колония, был и белорус. А здесь предками-ссыльными гордятся, это своего рода австралийская аристократия. Капитан Андрей Лазарев, который с кораблями «Крейсер» и «Ладога» посетил Хобарт на Тасмании в 1823 году, учился в рукописи своей книги, что там они встретили «пожилых лет уроженца белорусского Потоцкого», который в царствование Екатерины II был русским офицером.

«Судьбы превратного счастья» он попал в Англию, откуда и был сослан в Австралию. Его жена и сын добровольно отправились с ним. Корабль высадил ссыльных на Тасмании, острове у берегов Австралии, в 1804 году. Потоцкий вошел в историю Тасмании как Джон Поттэски. Я разыскала его потомков, их уже более двух тысяч человек. Кстати, дочь Потоцких Катерина стала первым европейским ребенком, родившимся на этом острове.

В целом же к началу революции в Австралии было не менее двухсот уроженцев белорусских губерний, жизнь которых мне удалось реконструировать, потому что они натурализовались. Три четверти составляли евреи, а остальные – славяне, в основном белорусы. По моей оценке, общая численность белорусов была больше, но многие из них приехали в Австралию накануне Первой мировой войны на заработ-

ки и не могли или не стремились натурализоваться. Собираю материалы по различным источникам – пассажирским спискам, военной регистрации иностранцев, австралийским газетам, а иногда и от их потомков. И меня, конечно, интересуют не статистика сама по себе, а живые истории этих людей.

Вот, например, история семьи Иосифа Игнатьевича Чеховского – белоруса или поляка из Гродненской губернии. В юности он отправился в Америку, получил там образование, женился на русской девушке Татьяне Платуновой и вместе с ней перебрался на Гавайи, а в 1914 году приехал в Австралию. В 1922 году он умер. Вторым мужем Татьяны стал опять же белорус, Николай Тихевич. Россиянам в это время в Австралии приходилось тяжело, и Татьяна с детьми отправилась в Россию. Муж должен был последовать за нею, но его жизнь трагически оборвалась. Так Татьяна с четырьмя маленькими детьми осталась во Владивостоке – обратно ее не пустили. По архивным документам я проследила, как она многие годы добивалась выезда из СССР. И чудо свершилось – в 1981 году, 58 лет спустя, в Австралию выпустили ее дочь Алис Бланш Чеховскую, художницу. А братья ее погибли в СССР: старший – в ГУЛАГе, а младший – на войне.

– Русские анналы – отдельный поворот ваших исследований. Так кто же все-таки они – русские анналы?

– Русские, точнее сказать, российские анналы – это интересный аспект российско-австралийских связей, которыми я занимаюсь много лет. ANZAC – это аббревиатура, которая стала использоваться в годы Первой мировой войны, во время высадки войск на Галлиполи в 1915 году, для названия военно-служаших Австралийско-Новозеландского армейского корпуса. Ныне – это легендарное звание вроде нашего понятия «фронтовики». Анналы – часть австралийского национального самосознания, но каждое новое поколение австралийцев вкладывает в нее свое понимание, осмысливает ее по-новому. Это удивительная попытка соединить легенду со все новыми и новыми фактами подлинной истории. Сейчас даже школьники знают, что высадка в Галлиполи – военная авантюра, бессмысленная бойня. Ненависти к тогдашним противникам у нынешних австралийцев нет – наоборот, они чуть ли не готовы просить у турок прощения за то, что австралийцы, будучи винтиками мировой военной машины, высадилась в Турцию и убивали турецких солдат на их земле. Галлиполи важно для австралийцев в другом измерении –

отсюда они ведут отсчет создания своей нации, ее единства, стойкости и братства. Это своего рода австралийское Бородино, колыбель австралийского духа.

Моя книга «Российские анналы в австралийской истории» – попытка нового осмысления событий далекого прошлого. Со времен официальной военной истории 1930-х годов принято считать, что этнические австралийская армия была почти исключительно англо-саксонской, британской. Но в австралийской армии было около трех тысяч небирицких, тысячи из которых – россияне. А среди этих российских анналов – четыре десятка уроженцев Белоруссии: евреев, белорусов, поляков, русских. Одни из них стали богатыми людьми Австралии, другие – прожили жизнь простыми тружениками, но у каждого из них – удивительная судьба.

– Русская община в Австралии насчитывает сегодня примерно 30-40 тысяч человек... А сколько среди них белорусов?

– Белорусы «проваливаются» сквозь дыры статистического решета. По данным последней переписи 2006 года, тех, кто указал своей родиной Беларусь, в Австралии всего 1243 человека, из которых на белорусском языке дома говорит 441 человек. Но надо учесть, что многие указали своей родиной СССР и не вошли в эту статистику. С другой стороны, можно предположить, что белорусы есть и среди тех, кто родился в Прибалтике или в Казахстане, а то и в Китае и числится в австралийской статистике под этими рубриками. По оценке австралийского статистика Чарльза Прайса, к 1980-м годам в Австралии было около 14 тысяч белорусов и их потомков.

– Елена, вашего отца Виктора Говора, журналиста и писателя, знают и помнят в Беларуси. В 2004 году пришли к читателю его книги, написанные когда-то «в стол», – «Время ревуцких быков», «Крут»...

– Мне повезло в жизни на необычных людей, и отец был именно таким. Его родители встретились, когда страна уже была в движении. Антон Васильевич работал агрономом, семья переехала с места на место. Этот жизненный опыт сделал Виктора в каком-то смысле человеком без малой родины, он не получил той первоначальной цели и питательной среды, из которой выростали и русские, и белорусские писатели-деревенщики. Но уже с детства он вобрал в себя микроскопическое белорусское местечко с его сосуществованием народов, религий...

Приращение к своим истокам произошло у Виктора позже, когда после войны их семья вернулась из

эвакуации в разоренную Белоруссию. Поселились они в дедовском доме, в каморке у родственников. Отец вскоре умер, а мать вступила в партию, организовывала колхоз, шла, чтобы прокормить четырех сыновей. Виктор пошел в школу в Молчади, он был перестроком, так как во время войны почти не учился, работал.

Потом – факультет белорусской журналистики в БГУ, где шла выковка юной белорусской интеллигенции. Отец учился в самое мрачное сталинское время – в 1948-1953 годах. Но уверял меня, что взял от учебы очень много. Какие дискуссии шли у них в комнате общежития, где жили по 50 человек!

– Ваш дед по матери – русский писатель Артем Веселый... Свои романы диктовал вашей бабушке – Людмиле Иосифовне Борисевич... Ваша мать и ее брат Лева 8 лет пролежали в детлаге. Еще одна трагическая страница истории...

– Был у бабушки завещанный чемоданчик. Я знала, что там лежат письма моей мамы, которые она писала в детстве, из детдома в лагерь, где много лет провела моя бабушка после того, как ее арестовали в 1937 году. Но когда я заговаривала о письмах, бабушка отвечала, что я в них ничего не найду. И она была права – для меня той, увлеченной Австралией и Грингом, в них действительно ничего не было. Понимание этого пришло десятки лет спустя...

После революции бабушка поехала в Москву, мечтала стать врачом. В мединститут не приняли, так как отец Иосиф Игнатьевич Борисевич, сын бывшего крепостного, выучившийся на бухгалтера и жизнь положивший на то, чтобы дать образование своим детям, попал в категорию служащих. Оказавшись безработной, она устроилась секретарем к писателю Артему Веселому. А вскоре стала его женой и спутницей по путешествиям в лодке по Волге, Каме, Зайсану и Иртышу. В октябре 1937 года арестовали Артема, через два месяца – Людмилу. Их детей – десятилетнего Леву и шестилетнюю Волгу – забрали в детприемник и разлучили. Только полтора года спустя Леве с помощью директора детдома удалось разыскать сестру и добиться их воссоединения. К тому времени Артем уже был расстрелян на Коммунарке, а бабушку, как «члена семьи изменника Родины», выслали сначала в Потьму, а потом – в Карлаг, где она работала медсестрой – нездало до ареста она окончила сестринские курсы. Письма моей мамы и Левы – уникальный документ эпохи.

Беседовал
Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

На земле. Далеко от земли...

К 10-летию со дня гибели подлодки «Курск»

До родной земли, до Видяева, до Североморска, им оставалось пройти всего-то 165 километров. Для атомного подводного крейсера – дачная прогулка. Но последним причалом для усталой подводной лодки стала другая земля – дно холодного Баренцева моря. Случилось это ровно десять лет назад.

Перематываю память назад. Как пленку на магнитофонной кассете. Август двухтысячного. Экстренный выпуск новостей. Потрясенной России сообщили, что погиб «Курск», одна из лучших ее лодок, краса и гордость Северного флота. На срочной пресс-конференции тогдашний Президент РФ Владимир Путин на вопрос иностранного корреспондента: «Какие чувства вы сейчас испытываете?» – помолчал, а потом тяжело поднял голову и выдохнул: «Какие могут быть чувства?.. Мне... выть хочется!..» Это было сказано с такой болью и так искренне, что я понял: наш президент – человек, а не робот.

«Атомная подводная лодка «Курск» (АПЛ) была заложена на северодвинском заводе «Звезда» в 1992 году и сошла со стапелей в мае 1994-го. На август 2000-го ей было всего шесть лет – для военного корабля возраст почти младенческий. По натаскованной классификации новая российская субмарина называлась «Оскар-II». Лодка вошла в боевой состав 7-й дивизии подводных лодок Северного флота, базирующейся на военно-морской базе Видяева. Эту дивизию на флоте еще часто называют «городской»: подводные ракетно-носцы носят имена русских городов – «Воронеж», «Нижний Новгород», «Белгород»... К ним и прибавился однопроектный брат-близнец «Курск», командиром которого стал бывший старпом с «Воронежа», капитан первого ранга Геннадий Петрович Лячин. В марте 1995-го епископ Курский и

Белгородский владыка Иоанн освятил лодку и подарил экипажу икону Курской Божией Матери, а всем морякам – иконки Николая Угодника, покровителя и заступника моряков.

Святой Николай действительно словно хранил лодку: в девяносто девятом ей удалось незамеченной проскочить через узкие ворота Гибралтара и «сесть на хвост» американскому авианосцу «Теодор Рузвельт», самолеты с которого летали бомбить Югославию. На поиск дерзкой русской лодки тогда были брошены едва ли не все противолодочные силы натаскованного региона. Но все было тщетно: лодка, словно «летучий голландец», исчезла в морских глубинах.

«Курск» вышел на учения Северного флота 10 августа 2000 года, имея боевой задачей учебную атаку группы авианесущих кораблей. Это был могучий подводный крейсер: он нес 24 крылатые ракеты подводного пуска и 24 торпеды, в том числе новейшие, летящие под водой с сумасшедшей скоростью, ракетные торпеды «Шквал», которые и предстояло испытать. Экипаж состоял из опытейших моряков: например, из 118 человек матросов срочной службы были единицы. Старшим в походе был капитан первого ранга Владимир Багрянцев.

А 12 августа норвежская сейсмостанция зафиксировала подводный взрыв мощностью примерно сто пятьдесят килограммов в тротиловом эквиваленте.

«Курск» могилкой равно дернулась, застыла, напоследок оборвав канаты ржавых жил. Над водой пасмурно, чайки, корабли. На земле подлодка спит, но как далеко до земли!.. (Ю. Шевчук, ДДТ).

«У вас, кажется, большие проблемы! – семафорил норвежский фрегат. – Мы готовы немедленно оказать экстренную помощь!..» «Что вы, вам показалось, никаких проблем нет, – отвечали наши высокие чиновники в погонах, – а если бы и были, то мы решим все сами...»

Решили... «Нас осталось несколько на холодном дне. Два отсека взорвано, да три еще в огне. Карандаш ломается, холодно, темно. Капитан Колесников пишет нам письмо...»

Да, капитан-лейтенант Дмитрий Колесников оставался последним из выживших после катастрофы в

хвостовом, девятом отсеке. Стоя сначала по колено в воде, потом по пояс, по грудь, при тусклом свете медленно умиравших аварийных ламп, он продолжал вести бортовой журнал. Двое с половиной суток! Это ли не подвиг? Надежды на спасение таяли с каждым часом. И тот океанский час, когда из руки капитан-лейтенанта выпал карандаш, настал. Димы не стало, последнего из оставшихся в живых членов экипажа атомной подводной лодки «Курск». Ему не было и тридцати...

Так что же случилось тогда, десять лет назад, в Баренцевом море? Версий существует несколько, причем совершенно противоречивых.

Версия первая и официальная. Взрыв носовых отсеков АПЛ, приведший к затоплению и гибели лодки, произошел по причине взрыва при попытке учебных стрельб тор-

пед типа 65-76 «Кит». (Про шумовую по скорости и тогда сверхсекретную ракету-торпеду «Шквал» предпочли умолчать.)

Версия вторая. Лодка наскочила на шальную мину, дремавшую в глубине со времен Второй мировой войны.

Версия третья. Гибель лодки произошла из-за столкновения с американской ПЛ «Мемфис» или даже с неизвестной английской лодкой. После подъема «Курск» на его борту обнаружили длинную рваную пробоину, концы которой были загнуты вовнутрь, что свидетельствует о внешнем, а не внутреннем воздействии.

Версия четвертая. «Курск» был... торпедирован. Суть ее такова. В районе учений Северного флота находились две американские подлодки – «Мемфис» и «Толедо», имев-

ФОТО ИТАР-ТАСС

Прощу прощения за грубость, но «что-то как раз оказалось тогда в тиши высоких сановных кабинетов, а не в горящих и ползатопающих отсеках умиравшего подводного ракетноносца. В лучших традициях «кабинетного права» до самого последнего старались не выносить сор из избы: и от оперативной иностранной помощи отказались, и врал что-то про маленькие технические неувязки. А страна узнала о трагедии только спустя девять (!) дней. Хотя и тут наврала, официально объявив, что последние оставшиеся в живых после аварии умерли через 7-8 часов. Но есть доказательства того, что в успешем задраться девятим отсеке двадцать три моряка были живы еще двое с половиной суток. Их можно было бы спасти, если бы не маниакальное стремление «сохранить лицо» перед всем миром!..

«...Вся страна восприняла трагедию «Курск» как личную трагедию. И как могла воздала память павшим морякам. Появился памятник в Северодвинске, в Санкт-Петербурге, на Серафимовском кладбище, где похоронен командир подводного крейсера Геннадий Лячин. В Сестрорецке в память о погибших моряках возвели часовню Святойи Николая Чудотворца. Поставили памятники в Зоозерске, в Мурманске, не забыли братьев-североморцев и черноморцев, вздвигнув в их честь монумент в своей главной базе – Севастополе. Стоят памятники морякам с погибшего «Курск» и в Москве, напротив Музея Вооруженных сил, и в Нижнем Новгороде – трое моряков были нижегородцами, и, конечно же, в древнем русском городе Курске, где гордое имя носила подводная лодка.

Сейчас, когда боевые корабли Северного флота проходят точку с координатами 69 градусов северной широты, 37 градусов восточной долготы, в бурлящем море летят поминальные венки. Так истария заведено на российском флоте...»

«Поже о случившемся много будет врать. Расскажут ли комиссии, как трудно умирать? Кто из нас, ровесники, кто герой, кто чмо, – капитан Колесников пишет нам письмо...»

Александр ЧУДАКОВ